

ВСПОМИНАЯ Т.И. ЗАСЛАВСКУЮ

Период подготовки этого выпуска совпал с двумя значимыми датами, связанными с именем академика Татьяны Ивановны Заславской (1927–2013). 9 сентября ей исполнилось бы 87 лет, а 23 августа прошел год с тех пор, как ее нет с нами. Научное наследие Заславской в области социологии, экономики, политологии, ее гражданский вклад в развитие российского общества будут осваиваться долгие годы. Статьи, публикуемые в этой рубрике, также посвящены исследованию различных аспектов этого наследия. В одной из них, историко-биографической по своему жанру, Т.И. Заславская предстает перед нами как общественно-политический деятель, идейные и научные позиции которого на разных этапах вступали в противоречия с официальной политикой властей и влияли на углубление кризиса советского общества. Другая статья в первую очередь анализирует деятельность Т.И. Заславской как ученого-теоретика — ее вклад в развитие теории социальной структуры и понимание социоструктурных механизмов изменения советского и постсоветского общества.

А.М. НИКУЛИН

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Т.И. ЗАСЛАВСКОЙ И СОВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Аннотация. В статье анализируется история советских общественно-политических конфликтов, возникших вокруг нескольких экономических и социологических исследований академика Т.И. Заславской. В этих трудах сопоставлялись уровни развития сельского хозяйства СССР и США в начале 1960-х годов, изучались причины замедления

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, Директор центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
Адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, корп. 9.
Телефон: 8 (499) 956-95-56. **Электронная почта:** harmina@yandex.ru

темпов экономического роста в период застоя в начале 1980-х годов, исследовались проблемы сельского и городского расселения и миграции в 1960–1980-е годы. В статье рассмотрены эволюция взаимоотношений политической власти и деятельности ученых в контексте функционирования научных организаций, влияния средств массовой информации, общественного мнения в СССР.

Если конфликты 1959–1961 и 1982–1983 гг. носили келейный, внутрипартийный характер, скрывались от общества, то в 1989 году был организован публичный скандал вокруг долговременных и фундаментальных исследований Т.И. Заславской и ее коллег. История этого острейшего идейно-политического конфликта демонстрирует, безусловно, новую стадию трансформации общественного сознания в стране. Рассмотренные конфликты, наряду со скандалами и репрессиями в адрес других обществоведов, во многом способствовали необратимому кризису советского строя.

Формулируется проблема профессиональной и нравственной преемственности постсоветского общества в осмыслении времен оттепели, застоя и перестройки, представленных в интеллектуальном наследии Т.И. Заславской.

Ключевые слова: социально-экономические исследования Т.И. Заславской, сельское хозяйство СССР и США, соревнование двух систем, наука и власть, эпоха сталинизма, оттепель, застой, постперестроечная Россия.

Татьяна Ивановна Заславская (1927–2013) оставила обширное наследие в области социальных наук, хотя начало и расцвет ее научной карьеры от оттепели 1950-х до перестройки 1980-х связаны преимущественно с аграрной экономикой и аграрной социологией¹.

Плодотворная научно-исследовательская и организационно-исследовательская деятельность Т.И. Заславской в аграрной сфере в целом находила признание в советской науке и политике. В 1968 году Заславская становится членом-корреспондентом, а в 1981-м —

¹Аграрные исследования Заславской и ее коллег нашли отражение в ряде монографий, таких как: «Миграция сельского населения» (1970); «Комплексная программа исследования перспектив социально-демографического развития деревни» (1974); «Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов» (1974); «Развитие сельских поселений: лингвистический метод типологического анализа социальных объектов» (1977); «Методологические проблемы системного изучения деревни» (1977); «Социально-демографическое развитие сибирского села: региональный анализ» (1980); «Методология и методика системного изучения советской деревни» (1980); «Социально-экономическое развитие западно-сибирского села» (1987).

академиком Академии наук СССР. В годы перестройки Заславская была одним из популярнейших интеллектуальных лидеров страны.

Безусловно, формально чрезвычайно удачная научная и общественная карьера Т.И. Заславской не должна заслонять от нас реальную драму ее до конца не реализованного интеллектуального и научного потенциала. Серьезные общественно-политические конфликты, связанные с исследованиями ученого, неоднократно угрожали ее научной репутации и карьере. Феномен этот тем более примечателен, что по характеру Татьяна Ивановна была скромным, даже застенчивым человеком, отнюдь не воинствующим диссидентом. Обладая собственной, весьма критической, точкой зрения на суть советского строя, Заславская, тем не менее, с юности сознательно избрала путь реформаторского совершенствования советского социализма, которому и следовала до самого распада СССР.

Не останавливаясь на многочисленных, но малых и локальных идеологических конфликтах в научной биографии Т.И. Заславской², мы не можем не обратить внимания на три действительно серьезных идеолого-политических ЧП всесоюзного масштаба, в эпицентре которых оказалась ее исследовательская работа.

Примечательно, что эти три конфликта произошли в разные периоды существования Советского Союза, поэтому их анализ также позволяет глубже понять природу общего, особенного и личностно-единичного в переменчивом духе советского времени.

Первый конфликт произошел в годы хрущевской оттепели и был связан со скандалом вокруг так называемой методики сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США (1960–1961 гг.).

² Типичным примером такого малого локального идеологического конфликта может служить следующая история, упоминаемая Заславской: «Осенью 1974 г. по просьбе журнала “Социологические исследования” я написала статью о социально-экономических проблемах сибирской деревни. Она была одобрена и включена в 3-й номер 1975 г. Но буквально через несколько дней после выхода весь тираж его арестовали. Статью было приказано выдрать и заменить другой... Ошибка и вина редколлегии заключалась в том, что статью включили в номер журнала, который пришелся на 10-летний юбилей мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству, ознаменовавшего приход Л.И. Брежнева к власти. В момент, когда “вся страна ликовала” по поводу достигнутых успехов, статья, посвященная острым проблемам деревни, внесла бы, по мнению партийных чиновников, недопустимый диссонанс в общее настроение. В результате она так и не увидела свет» [5, с. 580–581].

Второй конфликт пришелся на апогей застоя — 1982–1983 годы, — это скандальная история вокруг так называемого «Новосибирского манифеста».

Наконец, третий конфликт случился, что называется, постфактум: во время перестройки, в 1989–1990 гг., озлобленные критики Заславской приписывали ей формирование пагубной политики «неперспективных деревень» 1970-х годов.

Но прежде чем перейти к описанию и анализу этих трех разновременных конфликтов, остановимся на существенных характеристиках советского общества в понимании Заславской.

Несмотря на свой долгий опыт советской жизни (который, напомним, был всего на десять лет меньше исторического срока жизни СССР), в томе автобиографических воспоминаний Т.И. Заславская констатировала: «Общепризнанного научного взгляда на природу советского общества нет до сих пор... эта тема до сих пор остается остро дискуссионной» [5, с. 641]. Подобного рода высказывания мы можем обнаружить и в других ее статьях, книгах, интервью.

В автобиографии же Заславская неоднократно упоминает, что, вырастая почти образцовым советским простым человеком (вполне в русле концепции Ю.А. Левады [14]), она, сколько себя помнила, мучительно размышляла над противоречиями советского строя, сталкиваясь с повседневными расхождениями слова и дела, лозунгов и действительности.

В конце концов, для себя Заславская уже в начале 1960-х годов определила социально-экономическую систему СССР как своеобразный, весьма грубый и несовершенный вариант государственного капитализма, прикрываемый официозной социалистической фразеологией³. Но Т.И. Заславская не стала диссидентом. Она сознательно

³ Например, в своих дневниковых размышлениях 1962 года, написанных под впечатлением расстрела рабочих в Новочеркасске, Заславская так отзывалась о советской политической и экономической системе: «Гнилой характер нашей политической системы стал мне очевиден уже давно. Однопартийность, антидемократический характер отношений партии с народом и внутри самой партии... диктаторский характер партийной власти на местах, все это — звенья одной цепи. Отсюда, в свою очередь, проистекают отсутствие свободы печати, система умалчивания о просчетах и катастрофах; фальсификация статистики хозяйствование вслепую, и — вранье, вранье, вранье без конца и края... Высшая политическая власть в стране, как и право распоряжаться всеми ее богатствами, сосредоточены в руках одной группы людей, остальное же общество находится в полном подчинении этой группы. Такая система ближе всего к государственно-монополистическому капитализму и дальше всего — от социализма» [5, с. 460–467].

выбрала путь участия в совершенствовании и гуманизации советского строя через стремление к развитию честного и объективного научного социально-экономического знания в условиях повседневного противостояния и компромисса с партийной идеологией и цензурой.

Противостояние научных исследований Заславской с официальной идеологической линией партии и государства в течение нескольких десятилетий проходило по следующим мировоззренческо-идеологическим направлениям:

- противоречивое усвоение и использование международного опыта в сельско-городском развитии СССР;
- непоследовательное реформирование хозяйственного механизма и всей управленческой структуры сельско-городского развития СССР;
- неэквивалентное распределение сельско-городских ресурсов в пользу гигантомании индустриально-аграрных проектов (пожалуй, самое главное).

Это противостояние сделало Т.И. Заславскую главным героем трех фундаментальных советских научно-политических конфликтов. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

«Догнать?!..» — Очередное аграрное соревнование с Америкой (1959–1961)

Одним из важнейших стимулов развития советского строя со времени его возникновения было противостояние капиталистическому Западу, тотальное соревнование с ним.

Во имя соревнования с капитализмом страна ценой чудовищных усилий и лишений превращалась в сверхдержаву XX века. Конечно, существовало множество социально-экономических показателей и индикаторов борьбы двух общественно-политических систем, но самый главный был обоснован еще Лениным, утверждавшим, что социализм создаст высшую производительность труда по сравнению с капитализмом⁴.

Периодически руководство страны инициировало кампании больших скачков в соревновании с капитализмом. Интересно, что здесь обнаруживается своеобразная временная цикличность: с интервалом приблизительно в 10–12 лет коммунистическая партия в лице своего лидера стремилась особо вспомнить, обновить, усилить ленинский соревновательный инсайт 1917 года. Так было в 1927 году, когда очередной партийный съезд дал старт первой пятилетке с ее лозунгом «догнать и перегнать», повлекшим форсированные коллективизацию

⁴«Капитализм, — утверждал Ленин, — может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [10, с. 21].

и индустриализацию. Так было в 1939-м, когда Сталин и Молотов вновь призвали партию, науку и население перегнать капиталистические страны в годы третьей пятилетки. Поздний сталинизм конца 1940-х – начала 1950-х годов не в прямой, но в завуалированной форме призвал к соревнованию с Западом путем реализации «великого сталинского плана преобразования природы».

Финал всякого очередного «натиска обгона» после нескольких лет форсированных усилий оказывался достаточно плачевным. Напомним, что героизм обгона первой пятилетки завершился голодомором; обгон предвоенной пятилетки сорвался в мировую войну; обгон «великого сталинского плана» был свернут сталинскими же преемниками из-за чудовищно обременительных расходов, необходимых для его выполнения. Хрущевский обгон капитализма вылился в рост продовольственного дефицита, расстрел демонстрации новочеркасских рабочих, закупки зерна в США. После таких фиаско, как правило, лозунг «догнать и перегнать» отнюдь не отменялся, но как бы отходил в тень — ненадолго, на несколько лет, максимум на очередную пятилетку, чтобы вскоре опять зазвучать с новой силой.

Что за таинственный парад партийных планов определял это застухание-раздувание истерии лозунгов гонки с капитализмом? Во многом его причина скрывалась в процессах brutальной смены поколений партийных кадров. Бросается в глаза, что сталинские пики погромов оппозиций и «врагов народа» 1927–1929 гг. («Великий перелом»), 1936–1938 гг. («Большой террор»), 1949 г. («Ленинградское дело») заключались в избиении старых кадров и выдвижении новых. Они сопровождались амбициозными кличами «перегнать капитализм», подзадоривающими партийную «молодежь», которая занимала посты изгнанных или репрессированных «стариков».

Логично, вполне по-сталински повел себя и Хрущев. В 1957 году, нейтрализовав так называемую антипартийную группу заслуженных сталинистов — Булганина, Молотова, Маленкова и Кагановича; он на заурядном совещании по сельскому хозяйству в Ленинградской области вдруг призвал к очередному агроблицкригу в соревновании с Америкой [17]. С 1957-го по 1961 год Хрущев с присущей ему боевой энергией агитатора будет всеми средствами подталкивать партию, страну, науку к этому соревнованию⁵.

⁵ Вот как лукавый Хрущев (мечтавший обогнать США в сельском хозяйстве в три года) журил ученых-экономистов, у которых он, оказывался, уже запрашивал прогнозы обгона Америки, и они подсчитали, что это возможно будет сделать не ранее 1975 года: «Наша наука достигла больших успехов... Но вот среди научных работников есть и такие, которые сдерживают наше движение вперед... Как подошли к этому делу наши экономисты? Они, как полагается, взяли карандаш и подсчитали,

В 1959 году молодой кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН Татьяна Заславская была приглашена в дирекцию института, где было объявлено, что ей, а также другому молодому сотруднику — экономисту Маргарите Сидоровой, в ближайшие полтора года предстоит выполнить чрезвычайно ответственное задание: разработать методику сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США, дать количественную оценку сохраняющегося в ней разрыва.

В то время экономисты-аграрники хорошо помнили судьбу аграрника-марксиста М.И. Кубанина. Чудом переживший репрессии 1937–1938 годов, Кубанин, руководитель сектора сельского хозяйства Института экономики АН СССР, в 1940 году, откликнувшись на призыв Сталина – Молотова обогнать капитализм в третьей пятилетке, проделал большую аналитическую работу, посвященную сравнению уровней производительности труда в сельском хозяйстве СССР, США и других капиталистических стран. Исследование сопровождалось тщательно разработанной методикой и рядом конкретных предложений по совершенствованию советского сельского хозяйства [8]. Его итоги показали, что в конце 1930-х годов советские колхозники в среднем в 4,5 раза уступали в производительности труда фермерам США.

Это глубокое исследование Кубанина, представленное также в большом и содержательном докладе на обсуждении в Институте экономики СССР, обратило на себя самое пристальное внимание советских ученых и идеологов⁶. Часть их отнеслись к исследованию резко критически, заявив, что автор чуть ли не умышленно занизил и искажил достижения советского сельского хозяйства в сравнении с американским. Так, по расчетам экономиста Института мирового хозяйства Р.М. Левиной картина соревнования выходила более радужной: СССР отстает от Америки всего лишь в 3,5 раза [15]. Но решающее фатально критическое мнение было высказано в очередном номере журнала «Большевик» в официальной (но анонимной!) грозной и грубой статье в адрес Кубанина, поставившей под вопрос его научную компетентность [12]. Исследователи склоняются к мнению, что автором критики мог быть один из главных сталинских комиссаров по идеологии Л.З. Мехлис, возможно, написавший этот текст по указанию самого Сталина.

какой будет прирост и за сколько лет... С точки зрения арифметики тут нет никакой ошибки, все доказано. Но, товарищи, надо же понимать, какие сейчас силы накопились у нашего народа, в наших колхозах и совхозах» [16, с. 15–16].

⁶ См. «Стенограмму совещания экономистов и статистиков по докладу М.И. Кубанина» [15].

Кубанин был немедленно арестован, объявлен «врагом народа», вскоре расстрелян. Сотрудники его сектора подверглись партийно-идеологической чистке. Спустя почти 20 лет, в том числе в связи с кубанинским делом, коллеги-аграрники старшего поколения, как вспоминала Т.И. Заславская, не уставали разьяснять молодым аграрникам, «сколь опасно выбранное ими занятие и какой осторожности оно требует» [5, с. 448]. Сама же она тогда была уверена, «что время уже другое», и потому они «стремились работать на максимуме, т. е. говорить и писать максимум того, что было возможно» [5, с. 442].

Итак, фактически Т. Заславской и М. Сидоровой предстояло выполнить работу М. Кубанина, заново создав методику надежного и достоверного определения степени отставания СССР от США. По воспоминаниям Заславской, «чтобы досконально изучить американские методы определения численности занятых в сельском хозяйстве, трудовых затрат на отдельные виды продукции, объемов аграрной продукции в натуральном и денежном выражениях, пришлось перевернуть многие десятки изданий. Детально изучалась и советская статистическая практика: выявлялись важнейшие различия в методах счета, советские натуральные показатели оценивались по американским методикам, а американские — по советским и т. д. Кроме того, исследовались важнейшие факторы, обуславливающие разницу в производительности труда. Так, чтобы оценить влияние климатических различий, наряду с расчетами по странам в целом сопоставлялись данные по четырем регионам СССР и США, имевшим более или менее сходные климатические условия» [5, с. 449–450].

В срок, к сентябрю 1960 года обширный научный доклад «Методика сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США» был завершен, и к тому же в его развитие Т. Заславская и М. Сидорова заканчивали написание монографии. Что показало их исследование?

Оказалось, что разница в производительности аграрного труда между СССР и США по сравнению с кубанинским исследованием двадцатилетней давности практически не изменилась⁷. И в конце 1950-х годов отставание было в среднем в 4,5 раза (с разбросом: в два раза отставание по зерну, в 8–10 раз — по мясу и молоку) [5, с. 451].

На конец сентября 1961 года было назначено большое межведомственное обсуждение этого доклада. Но обсуждение внезапно отменилось, и вместо него разразился грандиозный скандал.

⁷ Конечно, надо помнить, за этот период народное хозяйство СССР было основательно разрушено во Второй мировой войне, в то время как экономика США процветала, но все же ожидалось, что вот-вот в этом соревновании проявятся преимущества социализма над капитализмом.

Напомним, что роковую роль в судьбе кубанинского исследования определенно сыграла вражда конкурирующей исследовательской команды аграрников Левиной из Института мирового хозяйства, апеллировавшей к авторитету самого Сталина. Теперь на пути обнародования и обсуждения исследования Заславской – Сидоровой встал еще более грозный противник: Центральное статистическое управление СССР. Накануне обсуждения доклада ЦСУ уже подготовило статистику сельскохозяйственного соревнования СССР – США для очередного выступления Н.С. Хрущева. По этим расчетам, умышленно тенденциозным, СССР отставал от США в 3,75 раза. А тут же выступивший Хрущев, не моргнув глазом, округлил эту цифру ЦСУ в сторону дальнейшего преуменьшения: отстаем в три раза⁸.

С точки зрения советской партийной этики, невозможно было обсуждать цифру никому не известных молодых ученых Заславской и Сидоровой «в 4,5 раза», если вождь уже объявил, что отстаем «в три раза»!

В партийно-номенклатурных верхах исследование Заславской – Сидоровой теперь восприняли как наглую провокацию, подстроенную малоизвестными обществоведами нового поколения. Отдел науки ЦК КПСС потребовал, чтобы все уже разосланные экземпляры доклада были изъяты и опечатаны, что и было немедленно исполнено КГБ.

Для определения масштабов вины молодых ученых, выбора для них «наказания» в Институте экономики была создана специальная комиссия из пяти докторов экономических наук под председательством экономиста-сталиниста Е.С. Карнауховой. Впрочем, за исключением другого аграрника-консерватора И.Д. Лаптева, остальные трое ученых — В.Г. Венжер, Н.Г. Каротамм и М.Я. Сонин — были, по советским меркам, либералами, нравственно порядочными людьми и серьезными профессионалами-экономистами.

Комиссия поработала основательно и, не найдя ошибок в работе Заславской – Сидоровой, тем не менее, не единогласно, а тремя головами (Венжер, Каротамм, Сонин) против двух (Карнаухова, Лаптев), признала методику молодых экономистов ИЭ СССР более правильной и точной в сравнении с методикой ЦСУ [2].

⁸ Позже Т. Заславская и М. Сидорова специально добились встречи с начальником управления ЦСУ А. Думновым, готовившим аналитические цифры аграрного соревнования СССР – США для Н.С. Хрущева. В этой личной беседе Думнов не сразу, но все же признался, что официальная цифра отставания в 3,75 раза была подготовлена ЦСУ с помощью различных статистических ухищрений. Когда же Хрущев и эту цифру округлил в сторону преуменьшения — «в три раза», ЦСУ было просто в отчаянии [5, с. 453].

Сама Т.И. Заславская так подвела итог этому методологическому конфликту: «По сравнению с М.И. Кубаниным это был счастливый конец: нас оставили в институте на своих должностях, не дали ни партийных, ни административных выговоров. Но все копии доклада конфисковал КГБ, и мы никогда его больше не видели. Нельзя было думать и о публикации монографии...

Описанные события рассеяли существовавшие у меня иллюзии относительной свободы творчества, заставили более ясно и трезво оценить ситуацию в советском обществоведении. Я поняла, что... тоталитарная власть нуждается в собственной “науке”, обслуживающей ее идеологические нужды. А это вызывает неизбежный раскол обществоведов на два противостоящих друг другу лагеря — официальный и реформаторский...» [5, с. 455].

В истории упомянутых партийно-идеологических конфликтов главное — не страх высших партийных органов перед высокой цифрой аграрного отставания от Америки (ведь даже верноподданнически занижаемые цифры были пугающе высоки), а принципиальный испуг и упорное нежелание как сталинской, так и хрущевской власти обсуждать, анализировать, сопоставлять результаты проведенных исследований. Их действительно серьезное и детальное обсуждение, например широкая научная дискуссия вокруг различий в методиках Кубанина и Левиной, Заславской – Сидоровой и Думнова, неизбежно привели бы к оценке не только аграрной экономики, но также и аграрной политики — способов партийного управления селом и контроля над ним. А это была одна из самых сокровенных тайн, на которой и основывалось господство коммунистической партии над советским обществом. Без обсуждения и раскрытия этой тайны, в конечном счете, не было возможности для действительно успешного развития советского села и уж тем более сокращения аграрного отставания от Америки.

Вместе с тем в описанных конфликтах, произошедших с интервалом в 20 лет, нет прямых аналогий. Хрущевский цикл ускорения соревнования с капитализмом был относительно более гуманным по сравнению со сталинским.

Горькая ирония последующей советской истории заключается в том, что на смену террористическому сталинскому и волюнтаристскому хрущевскому способам ротации кадров интеллектуалов ни в конце 1960-х, ни в конце 1970-х не пришел какой-либо более разумный и гуманистический путь смены партийно-интеллектуальных идей и поколений. Брежневское время застоя вообще основательно заблокировало и деформировало на одно-полтора поколения поиски путей трансформации советского общества. Сам Брежнев и его идеологи, кажется, всерьез не обдумывали и не обсуждали системные

народнохозяйственные аспекты советского соревнования с капитализмом, стремясь лишь к паритету с Западом в холодной войне и «соблюдению» прав человека. Экономический рост СССР замедлялся, его экономико-технологическое отставание от Запада увеличивалось.

«Не отстать?!..» — «Новосибирский манифест» 1982–1983 гг.

Прошло более двух десятков лет с тех пор, как Хрущев в очередной раз призвал соревноваться с Америкой. За это время из перспективного старшего научного сотрудника Института экономики РАН Татьяна Ивановна Заславская превратилась в Действительного члена Академии наук, руководителя ведущего экономико-социологического исследовательского центра.

В 1982 году Заславская и ее коллеги подготовили обширный исследовательский проект «Социальный механизм развития социалистической экономики на примере аграрного сектора». Для обсуждения многообразных задач проекта в апреле 1983 года в Новосибирском Академгородке был организован большой научный семинар, в котором приняли участие многие ведущие ученые-обществоведы из разных научно-исследовательских центров страны. На этом семинаре Заславская выступила с остро критическим докладом «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии». В связи с этим цензура разрешила печатать и обсуждать данный доклад только под грифом «для служебного пользования»⁹.

В центре доклада стояла проблема неуклонного замедления темпов роста советской экономики во времена брежневских пятилеток, сопровождавшаяся явными признаками всеобщей деморализации советского общества. Уже сам заголовок первого раздела: «Существенное отставание производственных отношений советского общества от развития производительных сил» — носил, с точки зрения официальной партийной идеологии, недопустимый характер. В этом разделе Заславская открыто полемизировала с официальными догматами советской философии и политэкономии.

Она заявляла, что советский ортодоксальный тезис: при социализме производственные отношения «опережают» развитие производительных сил — является просто неверным. Апеллируя к советской реальности, автор доклада призывала убедиться, насколько в реальности производственные отношения отстают от производительных сил. Заславская не соглашалась с утверждениями об отсутствии при

⁹ Краткое изложение доклада на русском языке было представлено в журнале «Знание — Сила» (1985. № 3. С. 11–15). Полностью доклад публиковался лишь после 1991 года.

социализме глубоких, антагонистических противоречий между личными, групповыми и общественными интересами, а также интересами разных классов и общественных групп; о непосредственно общественном характере труда работников социалистического производства; о вытекающей отсюда необязательности подтверждения общественной необходимости индивидуальных затрат на производство товаров через рыночный механизм, то есть неорганичности товарно-денежных отношений для социалистической экономики.

В остальных трех частях своего доклада: 2. Производственные отношения социализма и социально-экономическое поведение трудящихся; 3. Стратегия совершенствования производственных отношений; 4. Социальный механизм развития социалистической экономики — Заславская выдвигала позитивные предложения по проведению коренных социально-экономических реформ в СССР, направленных на преодоление бюрократизма в верхних и абсентеизма в нижних слоях советского общества.

Одной из существенных черт доклада была неоднократно высказанная тревога о недостатке достоверного знания о том, что представляет собой советское общество, куда оно движется, сопровождаемое призывом к деятельному переосмысливанию советской жизни в целях ее необходимой перестройки. Естественно, такой доклад вызвал бурную дискуссию среди участников семинара, которые по его окончании возвращались в необъятные регионы СССР с новыми надеждами и идеями, произрастающими из выступления Заславской.

Тем временем с самим текстом доклада производились административно-идеологические манипуляции. Две его копии безвозвратно исчезли. Для КГБ опять нашлась работа. Тем более что вскоре текст этого доклада появился на Западе, где был немедленно переведен на английский язык и под заголовком «Новосибирский манифест» опубликован в газете «Washington Post». Русскоязычный текст доклада на территорию СССР транслировала «Немецкая волна» из Германии.

13 сентября 1983 года Т.И. Заславскую и ее начальника, директора института А.Г. Аганбегяна, вызвали на заседание бюро Новосибирского обкома КПСС для обсуждения их персонального дела: «О крупных недостатках в подготовке работ и публикации и хранении служебных материалов в ИЭиОПП СО АН РАН». Оба ученых были подвергнуты уничижительной критике с многочисленными обвинениями в административных нарушениях и идеологических ошибках. Обоим по партийной линии были объявлены выговоры без занесения в учетную карточку.

Учитывая убийственные обвинения Заславской и Аганбегяна в правом ревизионизме и чуть ли не в предательстве интересов родины, удивляет финальная мягкость партийного наказания («выговор с

занесением» грозил нешуточными последствиями, в том числе и в профессиональном плане) и административных оргвыводов: обоих ученых оставили на занимаемых должностях с возможностью работать над ранее утвержденными темами.

Т.И. Заславская болезненно переживала историю вокруг «Новосибирского манифеста», она слегла в больницу с двусторонним воспалением легких. В своих дневниковых записях того времени она так оценивала случившееся: «Получалось, что я, сама того не желая, “сыграла против своих”. Ведь, несмотря на критическое отношение к институтам советского общества, я была лояльна к социалистическому строю, считала возможным и необходимым его совершенствование и не думала о его сломе и подрыве» [5, с. 529].

Через месяц после пресловутого партийного заседания, 11 октября 1983 года, в дневниках Заславская вновь возвращается к осмыслению конфликта: «Нам приписывали пороки, в сущности, не совместимые с пребыванием в партии (правый ревизионизм, потеря классового чутья, помощь врагам советской власти)... Они сами не верят тому, что говорят... Если бы бюро обкома верило обвинениям, оно исключило бы нас из партии... Значит пьеса была разыграна в соответствии с продуманным сценарием...

Все понимают, что так дальше нельзя — разрушаются главные ценности социализма. Никому ничего не нужно, никто ни в чем не заинтересован, и лучше всего живет тем, кто равнодушен к общему делу, циничен и свободен от норм морали. Энтузиазм времен нашей молодости прошел, после него остались только “похмелье” да пустота. Где наша юношеская гордость за принадлежность к “самой великой стране”? Где стремление принести максимальную пользу обществу, готовность подчинять личные интересы общественным? Где вера в важность своей миссии на земле, в значимость того дела, которое делаешь? Ничего этого нет. Есть только разочарование да разъедающий общество скептицизм» [5, с. 531–535].

К середине 1980-х годов Заславская и ее коллеги продолжали аграрные исследования, предлагая экономические эксперименты, проведение хотя бы местных, локальных реформ. Но содержание их идей и предложений вязло в бюрократической машине постбрежневского застоя. Только горбачевская перестройка, кажется, готова была все-речь воспользоваться накопленным научно-аналитическим потенциалом школы Заславской.

«Не исчезнуть?!..» — «Неперспективная деревня»: 1960–1980-е годы

С началом перестройки Т.И. Заславская превращается в чрезвычайно популярного в России и за рубежом публичного социолога. В это время наконец становятся востребованными идеи ее школы,

высказанные в «Новосибирском манифесте» и теперь, кажется, внедряемые в жизнь. Новая власть в лице М.С. Горбачева и его сторонников по партии стремится привлечь научный авторитет Заславской для реформирования советского общества и его экономики. В начале 1988 года Татьяну Ивановну приглашают переехать жить и работать в Москву, где она пишет много аналитических научных и научно-популярных текстов, дает интервью, принимает активное участие в научных и политических форумах в стране и за рубежом¹⁰.

Вместе с тем к концу 1988 года стали обнаруживаться первые признаки нарастающей поляризации общественно-политических сил внутри СССР, усиливаемые малоэффективными результатами первых реформистских шагов в экономике. Например, в это время в сельском хозяйстве были предприняты организационные меры, направленные на поддержку личной и групповой инициативы сельских жителей через развитие так называемого бригадного и арендного подряда, предоставление большей рыночной свободы для личных подворий колхозников. Но реально ощутимого эффекта данные меры так и не принесли.

Именно тогда, в начале 1989 года, известный публицист Анатолий Салуцкий в газете «Московская правда» опубликовал статью ««Сценарий будущего» и его судьба», в которой писал, что социальная апатия советской деревни в условиях перестройки связана с предшествующими двумя десятилетиями проектов, планов, прогнозов сельского развития, в центре которых находилась идея ликвидации неперспективных сел [14].

Автором концепции «неперспективной деревни», разработчиком внедрения в жизнь программ фактического уничтожения российского села Анатолий Салуцкий назвал Татьяну Заславскую. В течение 1989–1990-х годов он опубликовал в различных газетах и журналах еще несколько статей, клеймящих Заславскую как главного разрушителя советской деревни. Это были искусно сфальсифицированные тексты, написанные талантливым публицистом из консервативного антиперестроечного лагеря. Цель этих публикаций заключалась в разрушении репутации Заславской как объективного ученого и честного общественного деятеля¹¹.

¹⁰ Например, именно со статьи Заславской «О стратегии социального управления перестройкой» начинался знаменитый публицистический сборник «Иного не дано» [6, с. 3–45]. Многие статьи и книги Заславской в это время переводятся и публикуются в различных зарубежных странах. Наиболее известная книга Заславской на английском языке: *The Second socialist revolution: an alternative soviet strategy* [19].

¹¹ Т.И. Заславская, ни в чем не соглашаясь со своим недобросовестным критиком (полагая, что он, выполняя волю своих высокопоставленных

Приведем некоторые ключевые, эффектно эмоциональные, журналистские обвинения Салуцкого в адрес Заславской и ее коллег. По его мнению, эти ученые «все учли, кроме... жизненных реалий, народной психологии, исторического, нравственного, культурного опыта крестьянства... такой экономократический подход немедленно отомстил, когда крестьянина вырвали из родных гнезд, из родных деревень, вынудив переселиться в крупные поселки, он не задержался и там: потеряв корни, устремился еще дальше — в большой город. Поэтому кампания по сселению неперспективных из села в город резко подстегнула миграцию из села в город, деревня стала катастрофически мелеть людьми, и это принесло ей множество бед... Именно наука подсказала, что число деревень в нашей стране надо сократить с 705 тысяч до 120 тысяч — почти в шесть раз! Именно наука требовала придать процессу сселения организованный и целенаправленный характер... В апреле 1973 года президиум АН СССР образовал Рабочую комиссию по разработке долгосрочного прогноза развития деревни. То была весьма авторитетная комиссия, в нее вошли представители многих солидных институтов, специалисты самых различных отраслей знаний, а также эксперты министерств и ведомств. Возглавила эту комиссию член-корреспондент АН СССР Т.И. Заславская, которая, кстати, разрабатывала научное обоснование и для кампании сселения неперспективных деревень. Она же подготовила в середине 1976 года итоговый доклад комиссии, который назывался так: «Проблемы и перспективы социально-экономического развития советской деревни до 1990 года»... это был «сценарий будущего» деревни...» [13, с. 3].

Заканчивалась эта гневная статья следующим пассажем: «Анализ нашей недавней аграрной истории позволяет сделать такой вывод: путь развития села, который привел к нынешним аграрным трудностям, зародился в среде ученых и проектировщиков в конце 1960-х годов, начал осуществляться на практике в 1971–1972 годах, а в 1975–1976 годах получил новое, очень солидное научное обоснование. Именно в то время сотни миллиардов рублей капиталовложений, подчиняясь рекомендациям большой науки, были инвестированы в неверном направлении, что и стало причиной их низкой эффективности» [13, с. 3].

Публикации Салуцкого вызвали широкий резонанс, заронив в сознание значительного числа советских граждан идею прямой причастности Заславской к деградации сельской жизни. Тем более что,

партийных заказчиков, сам не верил в то, что о ней писал), в книге воспоминаний приводит список всех публикаций А. Салуцкого, направленных против нее, а затем список статей коллег, написанных в опровержение его измышлений [5, с. 623–624].

несмотря на официальную политику гласности в советских средствах массовой информации, вдруг обнаружилось, что Заславская и ее коллеги не в состоянии выступить ни в газетах, ни в журналах с опровержением клеветы¹². Советская пресса в значительной степени все еще закулисно контролировалась партийными аппаратчиками, не допускавшими разоблачения фальшивок Салуцкого в печати. Лишь в апреле 1990 года в газете «Известия» журналисту Е. Манучаровой удалось опубликовать достойную отповедь Салуцкому, после чего он, наконец, прекратил критиковать Заславскую [11].

Обратимся в связи с этим к работам и воспоминаниям самой Т.И. Заславской, а также других ученых, где можно проследить историю идеи уничтожения «неперспективных деревень».

В исследованиях села конца 1960-х годов Заславская и ее коллеги убедились, что «среди множества причин миграции сельского населения в города главной был громадный разрыв в уровне социального развития города и села. Городское и сельское население СССР жили как бы в разных веках, город нещадно эксплуатировал деревню...» [4, с. 555–556]. С точки зрения ученых, необходимо было преодолевать необоснованные социальные различия между городом и селом. Для этого в начале 1970-х годов было предложено разработать комплексную целевую программу социально-экономического развития села с применением специально созданной для этого методологии под руководством Заславской. В предложенной концепции сельская местность (или сельский сектор) представлялась в качестве целостного объекта управления — специфической подсистемы общества. Определение села как некоей специфической социальной подсистемы противоречило официальной советской идеологии о социальном сближении города и села, подразумевающей фактически поглощение села городом. Многие ортодоксальные советские урбанисты — оппоненты Заславской — утверждали, что она смотрит лишь в прошлое, собираясь попусту тратить время и деньги на реформирование и развитие неизбежно исчезающей под воздействием прогресса деревни. На что Татьяна Ивановна, опираясь на опыт своих полевых социологических исследований, возражала: «Село не собирается исчезать, в нем живут миллионы людей, свыкшихся с сельским образом жизни и выполняющих ряд важных и уникальных общественных функций... что

¹² За весь 1989 год в защиту Заславской фактически удалось опубликовать лишь краткую заметку: *Шабанова М.А.* О «неперспективной» деревне и околонаучном споре [18]. Остальные тексты самой Заславской и в ее поддержку, написанные А.И. Алексеевым, И.В. Русиновым, В.П. Прошляковым, В.Р. Беленьким, Е. Манучаровой, а также другими учеными и журналистами, остались неопубликованными или были опубликованы лишь в 1990–1991 гг. См. например: [1].

касается тенденции сближения села с городом, то на деле она... слаба, если не считать рурализации («оселянивания») городов в результате наплыва сельских мигрантов» [4, с. 412]. Итак, в конце 1960-х – начале 1970-х годов в центре бурных советских, партийных и научных дебатов находились вопросы перспектив сельского расселения и сельско-городского развития.

Хотя к этому времени Н.С. Хрущев был отправлен на пенсию, фактически тон в сельско-городских дебатах и планах социально-экономического развития задавала хрущевская радикальная сельско-городская мечта (высказанная им впервые еще при Сталине) об агро-городах со всеми цивилизационными удобствами [18].

В 1968 году вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об упорядочении строительства на селе», по которому существовавшие на тот момент примерно полмиллиона сел и деревень зачислили в три административные категории: перспективные, ограниченного развития, неперспективные.

Государственные ресурсы концентрировались на поддержке экономического и социокультурного развития перспективных, как правило, достаточно крупных поселений, так называемых центральных усадеб. Предполагалось, что таким образом сельские жители будут стремиться из «неперспективных» мест жизни в «перспективные».

Заславская достаточно самокритично признавала, что и она, и ее коллеги, находясь в целом под впечатлением прогрессистской модели общественного развития 1960-х годов, изначально не усомнились «в общей правильности концепции разделения перспективных и неперспективных поселков. Впервые столкнувшись с проблемами сельского расселения, мы в течение определенного времени принимали названную концепцию как социальную реальность, разумность которой подтверждалась авторитетом крупных специалистов» [5, с. 569].

С присущим настоящим ученым стремлением к рационализации и оптимизации решаемой проблемы Заславская и ее коллеги старались «найти оптимальные формы и методы сселения мелких поселков и благоустройства крупных сел, придать этому процессу планомерный и организованный характер» [5, с. 568–569].

Но, признавала Заславская, как оказалось, предопределенных социальных законов перспективности / неперспективности сел и деревень не существовало, имелись лишь тенденции, часто усиливаемые государственно-прогрессистским давлением, и даже они часто проявлялись весьма неоднозначно и противоречиво.

В связи с этим Т.И. Заславская, обобщив исследовательский опыт конца 1960-х – начала 1970-х годов, пришла к выводу, что жизнеспособность «перспективных» и «неперспективных» деревень могла зависеть от сочетания разнообразных социальных, экономических,

культурных, природных факторов: «...хотя неперспективные поселения в среднем теряли большую долю жителей, чем перспективные, однако благодаря привлекательным природным условиям, относительной близости к центрам, наличию надежных дорог и регулярных транспортных сообщений немалое число их сохраняло стабильное население. Многие же крупные, но недостаточно благоустроенные поселения интенсивно “размывались” миграционным оттоком жителей... Крупный размер еще не служит гарантией нормального воспроизводства населения...» [6, с. 569].

Уже в начале 1970-х годов в исследованиях коллектива Заславской была отмечена чрезвычайно важная функция мелких и мельчайших поселений как своеобразных форпостов защиты от обезлюдения и запустения сельской местности в целом. Сотрудник Новосибирского ЦНИИЭП градостроительства Л.П. Фукс, проанализировав многолетнюю динамику людности сельских поселений Новосибирской области, убедительно продемонстрировал, как распад мелких поселений усиливает деградацию крупных, лишая их, например, подпитки населением из ликвидируемых мельчайших деревень. Значит, признавала Заславская, «малые поселения представляют собой жизненно важную часть всей системы сельского расселения... процесс их свертывания желательно было не форсировать, а, напротив, по возможности тормозить...» [3, с. 569].

Начиная с 1970-х годов команда Заславской рекомендовала максимально бережно относиться к малым поселкам, тем более что в 1972 году Президиумом АН СССР была создана специальная междисциплинарная «Рабочая группа по координации исследований тенденций изменения демографической структуры и социального развития сельского поселения до 1990 г. и 2000 г.». В ее состав вошли многие ведущие экономисты, социологи, демографы и географы. Руководителем комиссии формально являлся влиятельный член-корреспондент АН СССР философ М.Н. Руткевич, но реально руководить пришлось его заместителю — молодому члену-корреспонденту Т.И. Заславской.

Заказчик этого исследования — Госстрой СССР — готовил тогда для Совета Министров СССР «Генеральную схему расселения населения на территории СССР до 1990 и 2000 гг.». В то время многие научные и проектные организации уже занимались проблемами сельского расселения, но ни обобщенной картины, ни синтетической междисциплинарной методологии в этой области не существовало. Комиссия Руткевича – Заславской и была призвана выработать такую методологию, а на ее основе сформулировать прогнозы сельского развития в перспективе двух-трех десятилетий.

Под эгидой комиссии в 1973 году состоялась Всероссийская конференция «Проблемы и перспективы социально-экономического развития деревни». Итоговые материалы были опубликованы только под грифом «для служебного пользования». В 1975–1976 годах комиссией был подготовлен и обсуждался на Президиуме Академии наук итоговый доклад о проблемах и перспективах социально-экономического развития советской деревни до 1990 и 2000 годов.

В докладе были представлены три сценария: оптимистический, промежуточный, пессимистический, возможность реализации каждого связывалась с либерализацией управления сельским хозяйством. Пессимистический вариант, в котором не предусматривалось либеральных реформ, обещал перспективы социально-демографической деградации села и упадок сельского хозяйства. Фактически сохранение статус-кво предполагал промежуточный вариант. Лишь в случае реализации оптимистического варианта ожидался рост сельскохозяйственного производства, сопровождавшийся выравниванием уровней социально-экономического и социокультурного развития города и села.

Последующая история показала, что путь развития советского села пролегал где-то посередине между пессимистическим и промежуточными вариантами.

Ведущие специалисты комиссии последовательно отстаивали бережное отношение к сельскому расселению. Например, по воспоминаниям Т.И. Заславской, географы С.А. Ковалев и В.Р. Беленький «подчеркивали, что создавшаяся в течение веков сеть сельского расселения составляет национальное богатство, что в ней овеществлены усилия многих поколений россиян по освоению и благоустройству новых земель. Поэтому она заслуживает бережного отношения, и никакие якобы благие цели не могут оправдать политики, направленной на ее разрушение» [5, с. 595].

В конце 1970-х годов лоббистские проекты градостроителей-урбанистов рассматривала уже специальная экспертная комиссия при Госплане СССР с приглашением также специалистов Комиссии Заславской. В результате расчетов экономистов-экспертов Госплана получалось, что ликвидация традиционных сельских поселений по лекалам Госстроя и Госкомархитектуры потребует неподъемных финансовых затрат. В случае форсированной ликвидации существовавшей сети расселения для трудоустройства 15–20% крестьян в городах не хватило бы средств. В итоге Госплан поддержал охранительную концепцию экспертов Комиссии Заславской, заблокировав проекты градостроителей-урбанистов.

Так кто ж все-таки был виноват в сжати, деградации сельских поселений? Ответ ясен — отнюдь не Заславская и ее комиссия. Тогда кто?

В годы перестройки крупнейшие советские специалисты — экономисты, географы, демографы, социологи — получили возможность открыто и откровенно обсуждать причины углубляющегося системного кризиса советского села. Интересные дискуссионные материалы по этой теме были, например, представлены на заседании круглого стола, посвященного проблемам советского сельского расселения, опубликованные под характерным названием «В поисках начала, или кто виноват?» в журнале «Знание — сила» [3]. Участниками этого обсуждения были географы А.И. Алексеев, Г.В. Иоффе, С.А. Ковалев, Ж.А. Зайончковская, архитектор Ю.П. Бочаров, журналист И.В. Прусс, историк Э.А. Паин. Ученые перечислили множество самых разнообразных причин, политэкономических и социокультурных, сжимания сельских пространств, но все же главной из них, пожалуй, оказалось извечное российское управленческое стремление к увеличению концентрации населения (для усиления контроля над ним). В этом отношении проекты «Госгражданстроя» генетически вели свою родословную не только от коллективистских проектов сселения села Ленина – Сталина – Хрущева, но даже еще от помещичьих сельских проектов князя Щербатова и генерала Аракчеева. И конечно, на трансформации советской деревни не могла не сказаться мощная общемировая тенденция второй половины XX века — массовый миграционный исход селян в города. Как противостоять этому? По мнению Т.И. Заславской, «нужно отказаться от “преобразований” сельского расселения и создать условия для его саморегулирования. В том числе — разработать новую методологию проектирования сел, основывающуюся на социальном заказе “снизу“...» [3, с. 7.].

В апреле 1990 года состоялось заседание научно-исследовательского общества «Энциклопедия российских деревень», собравшего в свои ряды специалистов по селу самого разного профиля — от фермеров до историков. На заседании присутствовали А. Салуцкий и Т. Заславская. Из репортажа об этом заседании следует, что на нем было устроено публичное рассмотрение обвинений Салуцкого в адрес Заславской. В результате эти обвинения были квалифицированы как фальшивка и клевета. Журналист Е. Манучарова так описывает ход этого обсуждения:

«А. Салуцкий поднялся на трибуну, от него ждали извинений. Их не было. Он не опроверг выступавших, но и не признал их правоту. Выразил лишь удивление, мол, почему-то не создана комиссия для

разбора конфликта. В своем выступлении Т. Заславская (она тоже была в зале) сообщила, что как народный депутат она уже подала документы в Комиссию по этике Верховного Совета.

Не только на трибуне Салуцкий ничего не говорил о трудах Заславской. Он и в своих публикациях прошел мимо текстов, которые может взять в руки любой читатель, не коснулся ни научных книг Заславской, ни ее публицистики, ни стенограмм выступлений. Превращая академика (защитника села и критика “раскрестьянивания”) в главного правительственного “консультанта”, в “автора” программы сноса деревень, он громит идеи, которые Заславской не принадлежат» [11, с. 5].

Далее на заседании были рассмотрены основные положения доклада-прогноза Комиссии Заславской середины 1970-х годов. Было признано, что «в докладе показывалось крайне тяжелое положение деревни и устанавливалось, при каких вариантах она скатится в пропасть, а при каких может выжить. Ученые утверждали, что только замена административной системы управления в деревне на систему экономическую позволит спасти село» [11, с. 5]. Были представлены также тексты рекомендаций Т.И. Заславской из архива Госплана СССР: «Заключение экспертной комиссии, которую она возглавляла во время работы над прогнозом. Ее комиссия в принципе и окончательно отвергла схему расселения, предложенную Госгражданстроем (именно он разрабатывал снос “неперспективных” деревень)» [11, с. 5]. В результате этого публичного заседания экспертов-аграрников Салуцкий наконец прекратил свою травлю Заславской.

История этого острейшего идейно-политического конфликта вокруг научного наследия Т.И. Заславской демонстрирует, безусловно, новую стадию трансформации общественного сознания в стране. Если два предыдущих конфликта носили келейный, внутрипартийный характер, скрывались от общества, то в последнем случае был организован публичный скандал вокруг долговременных и фундаментальных исследований Т.И. Заславской и ее коллег. Именно на сторонников перестройки партийная номенклатура пыталась списать неудачи сельского развития. Однако, в отличие от двух предыдущих случаев, в конце концов, научная общественность, благодаря наступившей гласности, защитила доброе имя ученого. Все рассмотренные конфликты, наряду со скандалами и репрессиями в адрес других советских обществоведов, во многом способствовали необратимому кризису советского строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беленький В.Р.* Российская деревня: из прошлого в будущее. М.: О-во «Знание» РСФСР, 1991. — 56 с.

2. Важнейшие расхождения в определении сравнительного уровня производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США работниками ЦСУ и ИЭ АН СССР // Архив РАН. Оп. 8. Д. 42. Индекс 633,2. Л. 85–91.
3. «В поисках начала, или кто виноват?» Материалы круглого стола // Знание — сила. 1989. № 9. С. 1–7.
4. *Заславская Т.И.* Избранные произведения. Том 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М.: Экономика, 2007. — 591 с.
5. *Заславская Т.И.* Избранные произведения. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007. — 764 с.
6. *Заславская Т.И.* Иного не дано. М.: Прогресс, 1989. С. 3–45.
7. *Кубанин М.* О темпах роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран / Проблемы экономики. 1940. № 2. С. 46–65.
8. *Кубанин М.* Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США // Проблемы экономики. 1941. № 1. С. 53–79.
9. *Кубанина М.М., Минаев В.В.* Аграрный сектор советской экономики накануне и в начале Второй мировой войны в работах экономистов 1939–1941 гг. // Экономический журнал. 2005. Т. 9. С. 221–269.
10. *Ленин В.И.* Великий почин. (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Полное собрание соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 1–29.
11. *Манучарова Е.* «Надоело... Еще раз о том, как клевете придают вид научной дискуссии» // Известия. 1990. 9 апреля. С. 5.
12. О клеветнической вылазке М. Кубанина // Большевик. 1941. № 6. С. 93–96.
13. *Салуцкий А.* «Сценарий будущего» и его судьба // Московская правда. 1989. 19 января.
14. Советский простой человек / Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. — 300 с.
15. Стенограмма совещания экономистов и статистиков по докладу М.И. Кубанина. Архив РАН. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–86; Д. 33. Индекс 620. Л. 1–117.
16. *Хрущев Н.С.* О строительстве и благоустройстве колхозов // Правда. 1951. 4 марта.
17. *Хрущев Н.С.* Речь в Ленинграде на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик РСФСР 22 мая 1957 года // Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1962.
18. *Шабанова М.А.* О «неперспективной» деревне и околонаучном споре // Огонек. 1989. Апрель. № 15. С. 49–50.
19. *Zaslavskaya T.I.* The Second socialist revolution: An alternative soviet strategy. London: I.B. Tauris, 1990. — 241 p.

Дата поступления: 28.01.2014.

A.M. NIKULIN

Nikulin Alexandr Mikhailovich — Candidate of Economical Sciences, Director of the Rural Research's Centre of The Russian Presidential Academy of National Economy and public administration. **Phone:** 8 (499) 956-95-56.

Email: harmina@yandex.ru

**SOVIET IDEOLOGICAL AND POLITICAL CONFLICTS
AND SCIENTIFIC HERITAGE OF T.I. ZASLAVSKAYA**

Abstract. The article analysis the history of the Soviet social and political conflicts through several economic and sociological research of Academician T.I. Zaslavskaya. This problems are associated with the comparison the level of development the rural economy the USSR and the USA in the early 1960s: analysis the causes the slowdown economic growth in the period of stagnation in the early 1980s and the problems of rural and urban settlement and migration in 1960–1980 was taken. The article describes the evolution of relations between political power and scientist's work in the performance context of scientific organizations, influence of media, and reaction of public opinion in the Soviet Union.

The article formulates the problem of professional and moral continuity of post-Soviet society on the example of T.I. Zaslavsky intellectual heritage.

Key words: socio-economic studies, T.I. Zaslavskaya, agriculture in the USSR and the United States, competition between two systems, science and power, Stalinism, Thaw, congestion, post-soviet Russia.

REFERENCES

1. Belen'kij V.R. Rossijskaja derevnja: iz proshlogo v budushhee. Moskva: O-vo "Znanie" RSFSR, 1991. — 56 s.
2. Vazhnejšie rashozhdenija v opredelenii sravnitel'nogo urovnja proizvoditel'nosti truda v sel'skom hozjajstve SSSR i SShA rabotnikami CSU i IJe AN SSSR. Arhiv RAN. Op. 8. D. 42. Indeks 633,2. L. 85–91.
3. "V poiskah nachala, ili kto vinovat?" Materialy kruglogo stola. Znanie — Sila. 1989. № 9. С. 1–7.
4. Zaslavskaja T.I. Izbrannye proizvedenija. Tom 2. Transformacionnyj process v Rossii: v poiske novej metodologii. Moskva: Jekonomika, 2007. — 591 s.
5. Zaslavskaja T.I. Izbrannye proizvedenija. Tom 3. Moja zhizn': Vospominanija i razmyshlenija. Moskva: Jekonomika, 2007. — 764 s.
6. Zaslavskaja T.I. Inogo ne dano. Moskva: Progress, 1989. S. 3–45.
7. Kubanin M. O tempah rosta proizvoditel'nosti truda v sel'skom hozjajstve SSSR i kapitalisticheskij stran. Problemy jekonomiki. 1940. № 2. S. 46–65.
8. Kubanin M. Uroven' proizvoditel'nosti truda v sel'skom hozjajstve SSSR i SShA. Problemy jekonomiki. 1941. № 1. S. 53–79.
9. Kubanina M.M., Minaev V.V. Agrarnyj sektor sovetskoj jekonomiki nakanune i v nachale Vtoroj mirovoj vojny v rabotah jekonomistov 1939–1941 gg. Jekonomicheskij zhurnal. 2005. T. 9. S. 221–269.
10. Lenin V.I. Velikij pochin. (O geroizme rabochih v tylu. Po povodu "kommunisticheskij subbotnikov"). Polnoe sobranie soch. 5-e izd. T. 39. Moskva: Izd-vo politicheskij literatury, 1970. S. 1–29.
11. Manucharova E. "Nadoelo... Eshhe raz o tom, kak klevete pridajut vid nauchnoj diskussii". Izvestija. 1990. 9 aprelja. S. 5.

12. O klevetnicheskoj vylazke M. Kubanina. Bol'shevik. 1941. № 6. S. 93–96.
13. Saluckij A. “Scenarij budushhego” i ego sud'ba. Moskovskaja pravda. 1989. 19 janvarja.
14. Sovetskij prostoj chelovek. [Otv. red. Ju.A. Levada]. Moskva: Mirovoj okean, 1993. — 300 s.
15. Stenogramma soveshhanija jekonomistov i statistikov po dokladu M.I. Kubanina. Arhiv RAN. Op. 1. D. 32. L. 1–86; D. 33. Indeks 620. L. 1–117.
16. Hrushhev N.S. O stroitel'stve i blagoustrojstve kolhozov. Pravda. 1951. 4 marta.
17. Hrushhev N.S. Rech' v Leningrade na zonal'nom soveshhanii rabotnikov sel'skogo hozjajstva oblastej i avtonomnyh respublik RSFSR 22 maja 1957 goda. Hrushhev N.S. Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo hozjajstva. T. 8. Moskva: Gospolitizdat, 1962.
18. Shabanova M.A. O “neperspektivnoj” derevne i okolonauchnom spore. Ogonek. 1989. Aprel'. № 15. S. 49–50.
19. Zaslavskaya T.I. The Second socialist revolution: An alternative soviet strategy. L.: I.B. Tauris, 1990. — 241 p.

Received: 28.01.2014.